

Образ шута в современной политике

Степная Кристина Артемовна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет международных отношений и политических исследований (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студентка 2-го курса бакалавриата;

e-mail: kstepnaya-23@edu.ranepa.ru

Научный руководитель:

Шапиро Ольга Александровна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра сравнительных политических исследований (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доцент кафедры, кандидат философских наук, доцент;

e-mail: shapiro-oa@ranepa.ru

Аннотация

В работе уточняется понятие «политического шута», используемое для обозначения некоторых политических акторов, выполняющих сходные со средневековыми шутами функции; исследуется набор существенных характеристик шутов эпохи Средневековья и современных политических шутов, а также восприятие такого рода политических акторов населением России.

Статья состоит из двух частей: теоретической и практической. В теоретической части освещается современное политическое шутовство как некий модифицированный феномен; выделяются основные характеристики политического шутовства, сходства и различия современного понятия с первоначальным образом дворцового приближенного, наделенного «особым правом» говорить правду в форме сатиры.

Во второй части представлены результаты опроса российских граждан на период 2024 года, позволившие выяснить, что политические шуты пользуются популярностью, ибо их риторика вполне соответствует запросам и настроениям общества.

Ключевые слова: политический шут, политический карнавал, шутовство, политическое поведение, политический лидер.

The Image of the Jester in Contemporary Politics

Kristina A. Stepnaya, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of International Relations and Political Studies (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student;

e-mail: kstepnaya-23@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor:

Olga A. Shapiro, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Department of Comparative Political Studies (Saint Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Department, PhD of Philosophy Sciences, Associate Professor;

e-mail: shapiro-oa@ranepa.ru

Abstract

The paper specifies the concept of ‘political jester’, used to denote some political actors performing similar functions to medieval jesters; it explores a set of essential characteristics of medieval jesters and modern political jesters, as well as the perception of such political actors by the Russian public.

The article consists of two sections: a theoretical and a practical one. The theoretical part covers modern political buffoonery as a kind of modified phenomenon; it highlights the main characteristics of political buffoonery, as well as the similarities and differences between the modern concept and the original image of a palace crony endowed with the ‘special right’ to tell the truth in the form of satire.

The second section presents the results of the survey of Russian citizens covering the period of 2024, which enables the author to establish that political jesters have been popular, because their rhetoric is quite consistent with the demands and moods of the society.

Keywords: political jester, political carnival, buffoonery, political behaviour, political leader.

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха Средневековья была интересным и загадочным периодом мировой истории. Именно в эту «сказочную пору», как описывал Средние века нидерландский философ Й. Хейзинга, жизнь каждого человека состояла из множества увлекательных событий, причем каждому из таких событий (независимо от его масштаба) придавалось особое значение: «всякое действие, всякий поступок следовали разработанному и выразительному ритуалу, возвышаясь до прочного и неизменного стиля жизни» [12, с. 21].

Средневековье было наполнено эмоциональными и общественными контрастами, что придавало этому периоду особый колорит. Это было время пышных дворов, рыцарских подвигов, грандиозных праздников и необычных карнавалов. Особенная атмосфера карнавалов и смеховых празднеств привносила в жизнь каждого человека, «давала совершенно иной, подчеркнута неофициальный, внецерковный и внесударственный аспект мира, человека и человеческих отношений» [12, с. 18]. М. М. Бахтин в книге, посвященной творчеству Франсуа Рабле, говорит о некой «двумирности», позволяющей человеку того времени находиться сразу в двух мирах — повседневном религиозном и свободном карнавальном мире, где не существует классового деления, статусов и ролей [2, с. 10]. Однако для Средневековья было характерно проникновение праздничного элемента и в повседневную жизнь, что выражалось в существовании шутов и дураков, которые оставались носителями смеховой культуры и за пределами карнавалов и увеселений, как бы привнося частички сакральности «второго мира» в обычный мир людей [2, с. 12].

В настоящее время культура карнавалов и масштабных празднеств претерпела значительные изменения. Это связано с появлением высокотехнологичных средств передачи информации. В условиях переизбытка информации, чтобы привлечь массы и обрести популярность, необходимо представить информацию необычно, чтобы выделить ее среди бытовых новостей. Политики и общественные деятели используют для этого яркие фразы, лозунги и выражения, чтобы привлечь внимание к стоящей на повестке ситуации. Вот тут и появляется фигура политического шута, который осознает назревание проблем в политико-социальной сфере и заявляет об этом при помощи эксцентричных или сатирических форм публичной коммуникации с целью завладения общественным вниманием

и дальнейшим его удержанием. Политические шуты становятся популярными, приходят к власти, легитимизируются общественным мнением.

Исследование актуально в связи с распространением карнавальных элементов в политике и возрастанием публичного девиантного поведения, связанного с нарушением устоявшихся норм поведения и политической коммуникации. Популистская риторика становится одним из ключевых средств продвижения к власти политических шутов, которые с каждым годом обретают всё большую популярность и признание среди широких масс.

Целью работы является выявление причин популярности шутовского образа в современном общественно-политическом дискурсе. Эта цель достижима при выполнении следующих задач:

1. Выявить роль шута в культуре Средневековья и объяснить смысловую нагрузку его развлекательно-смеховых действий.
2. Рассмотреть феномен современного политического шутовства и функции, которые выполняет современный политический шут; выявить его роль в общественно-политической жизни.
3. Выяснить, как общество реагирует на появление политического лидера, которому присущи черты средневекового шута, адаптированные под современные общественно-политические реалии.

Объектом исследования является образ шута в современной политике; предмет исследования — восприятие гражданами России политического шута.

Проблематика шутовства и карнавальности широко исследовалась в книге М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» [2] и Й. Хейзинги «Осень Средневековья» [12], Ле Гоффа «Другое Средневековье» [7], монографиях Г. М. Козинцева, Н. М. Андрейчука [1], И. С. Охлупиной и статьях П. С. Ключнова, А. А. Ильина, П. Л. Карабущенко [6], И. В. Лебедевой, М. И. Клеповой, С. В. Гусевой [4], Ю. Б. Мелиха [8], И. В. Сафроновой [10].

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Шутовство как явление возникло еще в дохристианскую эпоху, и шуты по своему образу поначалу отождествлялись со жрецами и колдунами, служащими древним языческим богам. Только после принятия христианства шуты становятся отдельной категорией лиц при дворе, наделенной особым правом давать советы самому королю и осмеивать придворных [13]. Необычность шута ярко отражается в художественной литературе, где шут обрисовывается в качестве мудрого советчика наивному королю: своими саркастическими высказываниями шут открывает глаза на скрытую реальность, а не просто кривляется и рассказывает веселые басни [14].

В исследованиях политического карнавала некоторые исследователи вместо термина «шут» используют термин «трикстер». Например, С. А. Шомова рассказывает о трансформациях архетипа трикстера в политической среде, не проводя существенных различий между шутом и трикстером, как делают и зарубежные авторы, применяя термин «трикстер» по отношению к Д. Трампу, которого мы относим к политическим шутам [15]. Однако, если смотреть на культурологические основания обоих понятий, мы видим в них существенную разницу. Трикстер в переводе означает «злой проказник» или «трюкач», его образ связывают с иррациональностью, искажениями реальности, противоречивостью. К. Г. Юнг в своей работе, посвященной психологии трикстера, приравнивает его облик к архетипу человеческой тени, концентрирующей негативные личностные черты. Для примера Юнг использует античного бога Меркурия, который нарушает правила, установленные другими богами [16, с. 216].

Венгерский филолог-религиовед К. Кереньи развивает исследования о трикстере и определяет его как персонажа, выражающего и воплощающего жизнь тела, ничему не подчиняющегося полностью. Трикстер представляется как хитрый трюкач со злыми шутками, однако не полностью отделившийся от мира бессознательного и имеющий противоречивые черты [9, с. 152].

Таким образом, трикстер и шут схожи только внешне, а их сущностные характеристики заметно ранятся. Так, если шут при помощи иронии и сатиры говорит о неудобной правде, то трикстер в своих насмешках ненамеренно искажает существующую действительность, создает мираж, который впоследствии будет развеян.

Для описания исследуемого нами типа политических лидеров уместнее использовать понятие «политический шут», которого мы определяем как политического актора, использующего эксцентричные или сатирические формы публичной коммуникации с целью завладения общественным мнением и дальнейшим его удержанием. Этот образ прослеживается из первоначальной сущности шута.

Роль шута в народно-праздничной культуре раскрывается при более подробном изучении Средневековья как уникальной эпохи человеческого развития [5]. В условиях строгой религиозности и большого количества социальных ограничений люди, жившие в Средние века, особенно нуждались в празднествах и увеселениях. Именно в процессе карнавального шествия временно упразднялись все иерархические различия и барьеры между людьми, что обуславливало возникновение идеально-реального типа общения, невозможного в обычной жизни. [2, с. 14]. На такого рода мероприятиях шуты и скоморохи не только смешили людей, показывали фокусы и пели песни, они еще и сочиняли сатирические рассказы и стишки, показывали театральные номера, высмеивая людские пороки и несправедливость. Общественная функция шутов обуславливалась более глубоким проникновением во внутренний мир человека, чем кажется на первый взгляд. В работе А. А. Аникста «Театр эпохи Шекспира» приводятся сведения о королевских шутах в средневековой Англии, упоминаются мистерии и народные празднества [10, с. 23]. Шутам разрешалось высказывать неудобную правду о королевском дворе, кардинале и говорить «гадости» даже про самого короля! М. М. Бахтин заметил, что к избличительным речам шута относились почтительно, им одним разрешалось осмеять всю несправедность человеческих деяний [2, с. 18]. Поэтому шуты были необходимы, к шутам прислушивались, а их довольное лицо с застывшей упрекающе-иронической гримасой вызывало доверие даже у самых скептически настроенных государственных деятелей.

Итак, Средневековье было наполнено контрастами. Контрастность выражалась и в социально-классовом устройстве, когда по одному только облику можно было с легкостью определить сословное положение находящегося перед нами человека, и в облике городских построек, и особенно в двойственной, временами строгой и высокорелигиозной, временами яркой и праздничной, культуре [1]. Эта двойственность, амбивалентность берет свое начало еще в раннем Средневековье, когда фольклорная культура противопоставлялась «рационализму» культуры церковной. Некая преграда, «создаваемая клерикальной культурой культуре фольклорной, происходит не только от осознанной и намеренной враждебности, но также и от непонимания» [2, с. 17]. Именно поэтому официальные праздники не могли увести человека от существующей реальности, показать мир с разных сторон; они только закрепляли существующий строй, не предлагая ничего абсолютно нового. Но в силу того, что человек по своей природе переменчив и многогранен, что предполагает возможность постоянно находиться в рамках определенных норм и правил, он находит способ получить эмоциональную разгрузку. Таковым способом и является карнавал. Именно карнавал и был подлинным праздником, передававшим искренние чувства народа.

М. М. Бахтин подчеркивает, что «человек как бы перерождался для новых, чисто человеческих отношений»; «возвращался к себе самому и ощущал себя человеком среди этих людей» [2, с. 15]. Для карнавалов и праздников дураков не существовало больше королей, герцогов, баронов — все они сливались в единую человеческую массу, выбиравшую уже своих королей и представителей аристократии. В эти мгновения праздничное пространство изобиловало перекликающимися забавными фигурами и уникальными образами, среди которых наиболее ярко выделяются шуты и скоморохи, особенно чтимые за их особую роль не только в процессе увеселений и танцев, но и за возможность «выпрыгнуть» из этого стремительного потока человеческого безумия и приспособиться ко вновь вернувшемуся к своему первоначальному состоянию обыденному миру. Однако и тут шуты продолжают выполнять ряд важнейших функций [11].

Во-первых, это *ругательски-развенчивающая функция*, заключающаяся в раскрытии при помощи всевозможных ругательств истинного лица предмета ругательств и насмешек. В такой системе, по мнению М. М. Бахтина, «король есть шут»: его всенародно избирают из развеселившейся толпы, затем так же всенародно осмеивают, ругают, бьют, разрывают на части, растаптывают и обкидывают помидорами. Брань, таким образом, срывает с названного короля убранство и маску. Весь этот ритуал напоминает античные сатурналии с их обрядами переодеваний, избиений и развенчиваний.

Во-вторых, *шуты показывают реальность в веселой сатирической драме*. М. М. Бахтин отмечает, что «тяжелое и страшное, серьезное и важное переводятся в веселый и легкий регистр, из минора — мажор; всему дается веселое и улегчающее разрешение» [2, с. 257]. Серьезные социальные, политические и экономические проблемы обличаются в форме шуток, позволяющих услышать о существующих проблемах в новом регистре и осознать, что для каждой из них можно найти решение, если вовремя задуматься об этих проблемах и заставить размышлять о них всё общество в целом, но в большей степени правящие слои.

Еще одной функцией средневековых шутов считается *пародийное пророчество*, которое было достаточно популярным в эпоху Франсуа Рабле, как и всякого рода предсказания. Несмотря на высокорелигиозные веяния эпохи, в повседневной жизни города и королевского двора было весьма популярно обращаться за помощью ко всякого рода предсказателям и колдунам, якобы видевшим будущее, способным исцелять недуги и отводить беды и несчастья.

Во время карнаваловых шествий не менее важной функцией шутов было насмешливое изображение современных событий, определенных политических деятелей. Создавался некий *образ игры*, где реальная жизнь изображалась в игровой миниатюре с элементами иронии и сатиры. Исследуя смеховую культуру раблезианской эпохи, М. М. Бахтин отмечает, как умело на праздничных плясках под аплодисменты ликующей толпы обыкновенная шахматная партия превращается, с одной стороны, в карнавалый маскарад, а с другой — в карнавалый же образ военно-политических событий.

Вышеперечисленным функциям присуща амбивалентность, ибо развенчивание и уничтожение связано с подъемом и воскрешением, смерть старого есть рождение нового. Переполненные тоской повседневных забот люди сбрасывают с себя выцветшие маски печальной обыденности и вновь наполняют себя ярким потоком позитивных эмоций, вместе с которыми рождаются новые мысли и новые идеи [11].

Шуты не остались забытыми образами прошлого, а наоборот — трансформировались и перевоплотились, сменили карнавалый костюм и сняли шутовскую шапку. В рамках современных политических реалий появляется совершенно новый феномен «политического шутовства» [5].

Несмотря на то что общество давно избавилось от средневековых предрассудков, стало более свободным и демократичным, люди в глубине души всё еще чувствуют необходи-

мость в эмоциональной разрядке. Смотря модные телешоу, видеоролики в социальных сетях, развлекательные программы или концерты, они на время забывают о своих повседневных проблемах и заботах, как это было во время карнавальных шествий. Вот тут и появляется уже не обычный шут с жезлом и в маске, а видный политический субъект.

Фигура политического шута возникает в середине двадцатого века и становится всё более распространенной. Политический лидер подобного типа, по мнению таких исследователей, как П. Л. Карабущенко и Ж. Т. Тощенко, характеризуется постоянным выступлением на публике со скандальными заявлениями, желанием привлечь к себе внимание, произвести впечатление, запомниться [6]. В то же время политическим шутам присущ абсентеизм, т. е. нежелание решать возникающие проблемы или урегулировать уже существующие. Они тратят много сил и энергии на мобилизацию социума, саморекламу [3, с. 84]. С одной стороны, это кажется малорациональным и неоправданным, ибо какой толк от политика, постоянно размахивающего руками, но ничего полезного не делающего. Однако такой подход, наоборот, заставляет задуматься над многими проблемами, «обозначить повестку дня», чтобы уже другие представители политической элиты занялись дальнейшим проектированием способов решения существующих проблем.

По мнению советского и российского социолога Ж. Т. Тощенко, политические шуты, как и политические скоморохи и клоуны, имеют определенные характерные черты, выделяющие их среди других фантомов современной политики:

- 1) уверенность в своей «обозначенной свыше» миссии, выражаемой в мнении, будто именно им дарована способность решить кризисные ситуации, изменить или спасти мир, творить великие дела во благо всего человечества;
- 2) чрезмерная разговорчивость и болтливость, стремление постоянно возражать своему оппоненту, высказывать свое противоречивое мнение;
- 3) определенная манера поведения, или особый имидж, который выделяет их среди других политических акторов;
- 4) показная активность, выраженная в участии в политических движениях, союзах, принятии участия в массовых акциях, митингах, мероприятиях;
- 5) умение быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию и выстраивать свое поведение таким образом, чтобы всегда быть известными и популярными;
- 6) амбициозность.

Таким образом, политическим шутком можно назвать политического лидера, удерживающего внимание целевой аудитории при помощи чрезмерной активности, ярких публичных выступлений и применения смеховых элементов и «карнавальности» для описания современной политической действительности.

Но так ли важна фигура политического шута в современном обществе? Каким образом общество реагирует на появление нестандартного карнавального поведения в политической сфере?

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы провели пилотное исследование мнения российских граждан, чтобы выяснить степень и причины узнаваемости политического шута среди множества других политиков и особенности восприятия проявления карнавальных элементов в риторике политических шутов. В частности, был проведен опрос, состоявший из 16 вопросов (из них 4 вопроса демографического блока и 12 содержательных вопросов), в котором приняли участие 200 человек. В ходе опроса нашей целью было проверить ряд гипотез, сформулированных нами на более ранних этапах исследования, в частности, в результате анализа публичного поведения политических шутов, их представленности в новостных лентах,

упоминаемости в социальных сетях и демонстрируемого в ходе выборов разного уровня отношения к ним избирателей.

В частности, мы предполагали, что «политические шуты» в среднем более узнаваемы, чем политические лидеры другого типа, что ряд качеств, присущих политическим шутам (нестандартность, харизматичность и пр.), сегодня выглядят привлекательными и иногда не менее значимыми, чем, например, компетентность, а также что симпатия к политическим шутам возможна в условиях толерантности к нарушению принятых норм политического поведения и нестандартным политическим решениям. Мы включили в вопросы, связанные с персоналиями, не только представителей отечественной политической элиты, но и иностранных политических лидеров, например Д. Трампа и Х. Милея, которые являются яркими представителями политических шутов. Поскольку наше исследование касается не электорального поведения, а отношения к типу политического поведения и самопрезентации, мы полагаем это вполне уместным, а наши результаты — достаточно валидными. При этом мы отдаем себе отчет в ограниченности нашей выборки и полагаем, что продолжение эмпирических исследований в дальнейшем может дать более точные и полные результаты.

Первый вопрос нашего опросника касался оценки респондентами уровня своей политической осведомленности. Большинство респондентов оценили уровень своей осведомленности в политике как средний (55 %). Это позволило предположить, что большинство респондентов как минимум идентифицируют политических лидеров, находящихся на ключевых позициях, а значит, и политические шуты должны бы быть ими узнаны. Тем более этого следует ожидать от людей, которые расценивают свою осведомленность в политике как высокую (22,45 % респондентов).

Только 20,41 % респондентов оценивают свой уровень политической осведомленности как низкий; соответственно, незнание ими политических шутов не будет противоречить нашей исходной гипотезе, а будет лишь говорить об их отстраненности от политического дискурса современности.

Большинство российских граждан узнало политических шутов среди остальной массы политиков (более 90 %). Исключение составляет Хавьер Милей, которого узнали далеко не все опрошенные (42,35 %). Однако в России не так уж часто транслируются новости о южноамериканских странах, в частности об Аргентине, поэтому сам факт узнавания Хавьера Милея почти половиной российских граждан заставляет задуматься о необычности нового аргентинского президента. Его узнаваемость гораздо выше, чем, например, у Родриго Дутерте, процент узнаваемости которого ниже 29,08 %.

Наиболее важными чертами политического лидера, с точки зрения наших респондентов, являются: обладание набором добродетелей (21,43 %), рациональность, здравомыслие или высокий интеллект (20,41 %) и харизма (13,27 %). Следовательно, людям важно, чтобы политический лидер обладал разумом и харизмой, ораторскими способностями и умением повести за собой народ. В настоящее время шут на политической арене будет легитимирован через соответствие его риторики желаниям общества.

Среди множества названных нестандартными политиками лидируют Владимир Жириновский (17,35 %), которого отечественные исследователи также причисляют к политическим шутам, и Дональд Трамп (13,27 %), который отличился необычной риторикой на посту президента США. Немногие выделили Хавьера Милея (6,69 %) из-за территориальной удаленности от России и относительно недавних сроков избрания на президентский срок.

В оценке нестандартного поведения политиков и их карнавальной риторики большинство оправдывает нарушение общепринятых норм политическими лидерами ради реализации их целей (56,12 %). Это значит, что применение шутовских элементов в публичных

выступлениях политиков является нормальным, а карнавальная риторика воспринимается положительно в широких массах людей.

Так, формирование повестки — необходимая черта лидера для 66,84 % респондентов, т. е. востребована способность политика привлечь внимание к наиболее острым социально-экономическим или политическим проблемам, что ранее отмечалось как развенчивающая функция шутов.

Стоит отметить, что неординарные подходы в решении проблем обладают ценностью (86,73 %). Людям импонируют качества, которыми мы наделяем политических шутов. Карнавальная риторика внедряется в массы, а общество само проецирует политика, за которым будет следовать.

В подтверждение тезиса о положительном восприятии гражданами политических шутов можно добавить, что почти 74 % респондентов заявили о положительном отношении к мемам с политическими акторами. Это значит, что большинство респондентов способно идентифицировать политиков, независимо от уровня их заинтересованности политической жизнью. Так, если рассматривать структуру ответов респондентов, то наибольшую часть от 74 % составляют респонденты со средней заинтересованностью в политике (40 %), а также присутствуют с высокой и низкой заинтересованностью (20 % и 8 % соответственно).

ВЫВОДЫ

Итак, современный политический шут есть трансформация шута средневекового, который обладал умом, харизмой и способностью воздействовать на массы манерой «иронически говорить правду», предлагать нестандартные решения проблем, четко и кратко доносить мысль. В современном же мире шуты сами становятся правителями. Они привлекательны всё теми же особенностями, что и в Средневековье. По результатам опроса видно, что людям необходим лидер, совмещающий в себе интеллект, критическое мышление, харизматичность и яркость, в совокупности придающие его образу некую карнавальную сакральность. Такой лидер популярен и легитимен в широких массах людей. Политическое шутовство как современный феномен становится всё более популярным. Нестандартность в принятии решений, смешные шутки, мемы — всё это еще больше укореняет политического шута в мировом пространстве.

Литература

1. *Андрейчук Н. М.* Краткий курс истории и теории праздничной культуры: учебное пособие / Н. М. Андрейчук. — СПб: Планета музыки, 2022. — 332 с. — ISBN 978-5-8114-9190-2.
2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1965. — 545 с.
3. *Веракса Н. Е.* Психология смеха в структурно-диалектическом подходе / Н. Е. Веракса, Л. Ф. Баянова, Т. В. Артемьева // Культурно-историческая психология. — 2023. — Т. 19, № 3. — С. 93–101.
4. *Гусева С. В.* «Дурацкая литература» и карнавальный «праздник дураков»: особенности интерпретации традиций, мотивов и образов / С. В. Гусева // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2007. — № 18. — С. 106–112.
5. *Гылыджов С.* История развития Средневековья и средневековой культуры / С. Гылыджов, Г. Текяева, Г. Гелдимырадов // Еo ipso. — 2022. — № 7. — С. 13–15.

6. *Карабущенко П. Л.* Карнавальная политическая культура современных элит: хроники новейшего политического цирка / П. Л. Карабущенко // Политика, экономика, культура. – 2022. – № 3 (72). – С. 83–90.
7. *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / пер. с франц. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – 328 с.
8. *Мелих Ю. Б.* Шутовство как форма выражения философского смысла / Ю. Б. Мелих // Соловьевские исследования. – 2018. – № 1 (57). – С. 137–157.
9. *Платицина Т. В.* Архетип трикстера в зарубежных исследованиях / Т. В. Платицина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013 – № 10. – С. 151–154.
10. *Сафронова И. В.* Человек и культура: культурные коды эпохи Средневековья / И. В. Сафронова // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. – 2023. – № 2. – С. 122–131.
11. *Сокровищук А. А.* Народная смеховая культура в философии М. М. Бахтина / А. А. Сокровищук // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2021. – № 3. – С. 118–129.
12. *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья / Й. Хёйзинга; пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. – 768 с.
13. *Чернова С. В.* История шутовства / С. В. Чернова // Филологические науки в МГИМО. – 2015. – № 4. – С. 168–177.
14. *Черноземова Е. Н.* Шуты и шутовство сквозь эпохи: социальный и эстетический аспекты / Е. Н. Черноземова // Наука и школа. – 2019. – № 4. – С. 20–28.
15. *Шомова С. А.* Шут, Петрушка, дурак... (ипостаси трикстера в российской политической коммуникации) / С. А. Шомова // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 4. – С. 64–74. – EDN UHCBQD
16. *Юнг К. Г.* Психология образа трикстера. В кн. Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг. – К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – С. 214–225.

References

1. Andreychuk N. M. (2022) A short course in the history and theory of festive culture: a textbook / N. M. Andreychuk. – St. Petersburg: Planet of Music. – 332 p. – ISBN 978-5-8114-9190-2 [In Russ.]
2. Bakhtin, M. M. (1965) Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance. – Moscow: Hudozhestvennaya literatura. – 545 p. [In Russ.]
3. Veraxa N. E. (2023) Psychology of laughter in a structural and dialectical approach / N. E. Veraxa, L. F. Bayanova, T. V. Artemyeva // Cultural and historical psychology. – Vol. 19, No. 3. – Pp. 93–101. [In Russ.]
4. Guseva S. V. (2007) “Stupid literature” and the carnival “feast of fools”: peculiarities of interpretation of traditions, motives and images / S. V. Guseva // Problems of history, philology, culture. – No. 18. – Pp. 106–112. [In Russ.]
5. Gylydzhov, S. (2022) The history of the development of the Middle Ages and medieval culture / S. Gylydzhov, G. Tekyaeva, G. Geldimyradov // Eo ipso. – No. 7. – Pp. 13–15.
6. Karabushchenko P. L. (2022) Carnival political culture of modern elites: chronicles the newest political circus / P. L. Karabushchenko // Politics, economics, culture. – No. 3 (72). – Pp. 83–90. [In Russ.]

7. Le Goff, J. (2000) *Another Middle Ages: Time, labor and culture of the West* / translated from French by S. V. Chistyakova and N. V. Shevchenko. – Yekaterinburg: Ural University Publishing House. – 328 p.
8. Melikh Yu. B. (2018) Buffoonery as a form of expression of philosophical meaning / Yu. B. Melikh // *Solovyov studies*. – No. 1 (57). – Pp. 137–157. [In Russ.]
9. Platycina T. V. (2013) The trickster archetype in foreign studies // *Bulletin of the Buryat State University*. – No. 10. – Pp. 151–154. [In Russ.]
10. Safronova I. V. (2023) Man and culture: cultural codes of the Middle Ages / I. V. Safronova // *Modern education: current issues and innovations*. – No. 2. – Pp. 122–131. [In Russ.]
11. Sokrovistchuck A. A. (2021) Folk laughing culture in the philosophy of M. M. Bachtin / A. A. Sokrovistchuck // *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*. – No. 3. – Pp. 118–129. [In Russ.]
12. Huizinga, J. (2011) *Autumn of the Middle Ages* / J. Huizinga; translated from the Netherlands by D. V. Silvestrov. – St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. – 768 p.
13. Chernova S. V. (2015) The history of buffoonery / S. V. Chernova // *Philological sciences at MGIMO*. – No. 4. – Pp. 168–177. [In Russ.]
14. Chernozemova E. N. (2019) Buffoons and buffoonery through epochs: social and aesthetic aspects / E. N. Chernozemova // *Science and School*. – No. 4. – Pp. 20–28. [In Russ.]
15. Shomova S. A. (2015) The Fool, Petrushka, the fool... (hypostases of the trickster in Russian political communication) / S. A. Shomova // *Ethnographic review*. – No. 4. – Pp. 64–74. – EDN UHCBQD [In Russ.]
16. Jung K. G. (1996) *Psychology of the trickster image* // K. G. Jung. *Soul and myth: six archetypes*. – K.: State Library of Ukraine for Youth. – Pp. 214–225.

Для цитирования:

Степная К. А. Образ шута в современной политике // *Новизна. Эксперимент. Традиции* (Н.Экс.Т). – 2024. – Т. 10. – № 4 (28). – С. 68–77.